

"ДЖЕЙМС ПОТТЕР!" — закричала Лили, взмахнув своей палочкой; её кресло вместе с креслом Джеймса опустилось на пол. "Как ты смеешь забывать о нашем сыне?! Ты сошел с ума?" Её гнев только нарастал, когда он прошел мимо шокированного министра и схватил Джона. — "Иди в свою комнату. Дамблдор всё объяснял, ты отвлекался, и это было скучно. Ты устал после ужина, ложись спать и не вспоминай об этой встрече, если только она не привлечет твоё внимание". — "Да, отец". Джон встал и вышел за дверь. — "ДЖЕЙМС!" — гнев Лили не утихал, и она расценила это как откровенное нападение. — "Объяснись сейчас же". — "Лили, неужели ты так плохо обо мне думаешь, что я проклинаяю собственного сына без причины? Посмотри на нас с министром, разве ты не видишь страха и беспокойства, которые заставляют министра британских волшебников становиться слабым и хрупким при одном только упоминании этого слова? Тебе не интересно, что заставляет такого, как я, капитана Мракоборца, дрожать, как лист?" Дамблдор, Тенебрис и Адриан сидели и наблюдали за происходящим, подняв брови. — "Это какая-то архаичная черта чистокровных?" — осторожно спросила Лили, отметив, что его доводы действительно имеют под собой основания. — "Боже, Лили, ты слышишь себя? Какие-то архаичные чистокровные штучки. Лили, это самое главное для чистокровных. Единственный урок, которому вбивают в голову каждому чистокровному, — это разница между тем, что ты можешь делать, и тем, что ты должен делать. Это не какая-то традиция, это то, что защищает ткань реальности! Существует пугающе опасный мир. Магические существа, находящиеся за пределами твоего понимания. За пределами твоей способности общаться с ними, за пределами твоей возможности когда-либо бороться с ними. Демоны, боги, существа, которые не вписываются в твоё представление о мире. Существа, которые настолько далеки от нашего ограниченного существования, что мы продолжаем жить только потому, что сами ничтожны. Каждый чистокровный знает: если ты можешь что-то сделать, это не значит, что ты должен это делать. Все "законы магии", которые вы считаете существующими, — ложь. Я забыл по поводу Джона, потому что не пожелал бы знания Анафемы или Невыразимого своему врагу, не говоря уже о собственном сыне, который ещё далеко не закончил своё обучение". — "Джеймс, если то, что ты говоришь, правда, люди будут знать об этом?" — с любопытством спросила Лили. Дамблдор взмахнул рукой; оба стула Поттеров выпрямились, и Адриан заметил, что они поняли, что всё ещё стоят, и сели. — "Наверное, будет лучше, если я объясню, Джеймс". — Вмешался Дамблдор. — "Лили, ты знаешь, почему студенты приходят в Хогвартс? Почему магические дети обучаются с 11 лет?" — "Нет, я всегда считала, что это подготовка их к роли в обществе". — "Отчасти это так, но настоящая причина в том, что если не тренировать магию ребёнка, если подавлять её, если не понимать ответственности, существует опасность, что он может прорвать завесу, отделяющую нас от всего остального мира. От того, что противоречит самой идее цивилизации, культуры, семьи, счастья. Джеймс не лгал, когда говорил, что есть вещи, само присутствие которых может свести с ума в одно мгновение. Эти тайны сейчас можно назвать открытыми секретами. Они невыразимы, большинство волшебников даже не узнает о них, довольствуясь блаженным существованием. Ещё меньше волшебников знает о существовании Невыразимой магии или Анафемы, и ещё меньше тех, кто становится свидетелем Невыразимой магии или Анафемы и остаётся в здравом уме". Дамблдору не хватало его обычного дедовского обаяния. Именно это, как подозревал Адриан, определяло серьёзность его слов, обращённых к Лили. — "Но что может быть настолько плохим, чтобы быть невыразимым? Анафема?" — вмешалась Лили. — "До этого мы ещё доберёмся. Но знайте: только тот, кто видел и пережил нечто Анафемное или Невыразимое, может стать сосудом для его Лордов и Леди Визенгамота; все они узнают о существовании того, что мы сейчас обсуждаем, когда становятся Лордами, но никогда не могут поделиться этим ни с кем. Если вы узнали об этом от кого-то, кто видел Невыразимое и поделился с вами его существованием, вы никогда не сможете рассказать об этом, поэтому оно и является Невыразимым. Ты никогда не сможешь поделиться этим с Джоном. Это было бы предательством. Но не только перед Министерством или всеми волшебниками, так как такое знание угрожает не только жизни и закону. Оно угрожает реальности. Это не для ребёнка". Дамблдор сделал паузу, но Лили

Поттер была погружена в раздумья, осознавая всю грандиозность того, что ей только что сообщили. — "Ты можешь рассказать об этом только тому, кто знает", — твёрдо сказал Джеймс. — "А как узнать, знают ли они?" — спросила Лили. — "Традиционно, по тому, что они владеют одним или несколькими сциллами", — ответил Тенебрис. — "Они защитят ваш разум от безумия при одном только осознании того, что вы можете узнать. Это разница между теми, кто испытал нечто Невыразимое или Анафемное, и теми, кто просто знает о его существовании от того, кто это испытал". — "Итак, если мы закончили объяснять магглорожденным самые тёмные и смертоносные секреты, известные волшебникам, можем перейти к следующему?" — Министр выглядел серьёзнее, чем кто-либо видел его раньше. Лили выглядела оскорбленной, но после того, что она услышала, благоразумно промолчала. — "Надеюсь, вы понимаете, почему я хотела провести этот разговор только с Невыразимцем Тенебрисом, но теперь, когда все знают о существовании Невыразимого и Анафемы, я надеюсь, что с клятвами, которые я потребовала, у нас не возникнет проблем?" В конце концов, Тенебрис был одним из немногих волшебников, изучавших Невыразимые тайны. Хор согласных, произнесённый в ответ на серьёзность разговора, был бы забавен, если бы не тяжесть обсуждаемой темы. — "Как мы будем клясться?" — "Поклянись своей душой". — Невыразимец покачал головой, явно поражённый этой просьбой. Дамблдор положил перед Джеймсом, Лили и министром пергамент со словами клятвы. — "Ну что, приступим?" — сказал он, жестом указывая на бумагу. — "И я клянусь не говорить с душой, не напоминать и не делиться словами, которые я узнаю в ближайший час". Все вместе они произнесли древнее заклинание Соглашения об объединении душ, запечатанное волной магии между всеми, кто находился в комнате. Адриан смутно отметил гром в небе; участники, скорее почувствовав, чем увидев прилив магии, ощутили, как клятва вступила в силу. Невыразимый Тенебрис облокотился на чайный столик и посмотрел на дуэт мастера и ученика. — "Это только для вашего собственного спокойствия". Это Шар Веритас. Если кто-то из присутствующих здесь лжёт, он загорится красной стрелкой, указывая на нарушителя. — Пояснил Невыразимый Тенебрис, обращаясь к залу. — А теперь скажите мне: вы действительно думали, что никто не заметит, как кто-то разбрасывается проклятой Высшей элементарной магией Аида во время этого провального матча по квиддичу? Откуда третьекурсники знают о Невыразимом? Почему на вас напали дементоры? И каковы причины того, что имена Альбуса Персиваля Брайдана Вулфрика Дамблдора и Адриана Джеймса Поттера оказались в "Записях казначеев Демони"? Адриан и Альбус мрачно переглянулись, понимая, что их проступок уже стал известен. Дамблдор скрестил пальцы и взглянул вниз на Невыразимого Тенебриса.